

ТАМ, ЗА ГОРАМИ, — ГОРИЗОНТ

Фрагменты воспоминаний кинодраматурга — особый жанр. Ведь кинолента лет скользит непрерывно. И только когда что-то дорогое уходит безвозвратно, спохватываешься и пытаешься удержать неудержимое. Мало кому из нас хватает мудрости сердца, чтобы запечатлеть то, что еще не ушло, что живет и радуется. Что проку оплакивать утраты! Будем внимательно к тому, к тем, кто незаметно и благородно несет на своих отнюдь не богатых плечах высокую ношу культуры. Поучимся этой мудрости у одного из нас...

Вот притча, которую рассказывал однажды Николай Рерих: — Некий отшельник вышел к людям с вестью. Он говорил каждому встреченному: «Имеется сердце». Когда же его спросили, отчего он не говорит о милосердии, о терпении, о преданности, о любви, о всех благих основах жизни, мудрец отвечал: «Лишь бы не забыли о сердце, а остальное — приложится...».

— Действительно, — продолжал Рерих, — можем ли обратиться к любви, если ей негде пребывать? Станем же твердо на основе сердца и пойдем, что без сердца мы — шелуха погибая. Так заповедуют мудрые.

Внимаю Рериху, а думаю при этом об Изе Герштейне, художнике, который вот уже больше сорока лет неумоимо напоминает людям, живущим на Тянь-Шане, о сердце.

На склонах Хан-Тенгри, на берегах Иссык-Куля, на Сусамыре привыкли за эти годы к страннику с кинокамерой. Неделями, месяцами живет Герштейн вместе с чабанами на пастбище, шагает по горным тропам с геологами и гляциологами, долгими вечерами ведет неторопливую беседу с аксакалами в отдаленных аилах. Кинопленка запечатлевает самое важное, сокровенное, истинное...

Рассказ мой — о зоркости и мудрости художника, наделенного даром видеть шире и глубже других. О мастере, способном не только вникнуть в суть явлений и характеров, но и создать на основе отснятого материала емкое по мысли, по высоте чувства художественное исследование, способное вызвать у зрителя новое, более объемное понимание жизни. Упомяну несколько лент Герштейна, которые невозможно забыть.

«Песня слышится и не слышится». Пронзительно печальная история об утраченных идеалах и судьбах человеческих. В одном из сел семидесятых лет назад группа молодых

энтузиастов-бедняков создала коммуны — во имя светлого будущего. Своим гимном коммунары избрали песню «На паровоз, вперед лети, в коммуны останова». И макет паровоза служил для них символом.

Осталось лишь несколько коммунаров. Они едут на телеге, которую медленно тащит кляча. Могикане с потухшими глазами. А экскаватор рушит кресты у могил. А мужичок ворует кирпичи из кладбищенской ограды и складывает в детскую коляску. А сад коммунарский поразил пустоцвет. Жуткое крушение, постигшее честные души...

«Бумеранг». Обращение к совести, к общественному разуму.

В фильме запечатлена массовая гибель редчайшей птицы — розового скворца — от строительных работ, взрывов в горах. Тысячи всплывших рыб, убитых агрессивным вторжением человека в природу. Потоки мазута, стекающего в чистейшие воды уникального озера...

Этот фильм — словно отчаянный вскрик.

«Там, за горами, — горизонт». Гляциологи на леднике Энгильчек. Драматический конфликт у восхитителей. Разное понимание нравственности, товарищества, долга... Кинодокументалист не ограничивается рассказом о драматическом противоборстве в горах. Он проследивает жизнь нескольких героев на протяжении времени. В столкновении различных мировоззрений возникают на экране рельефные психологические портреты, колоритные характеры.

«Мыс гнедого скакуна», «Продается на слом», «Высокое напряжение», «Три ответа горам», «Прощай, мельница», «Чабаны». ...Встревоженное искусство содержит готовность горячо отстаивать идеалы человечности. Вера в эти идеалы придает поэтическому действию силу протеста против пресловутого мешанского «здорового смысла», против обывательского конформизма, но, главное,

против тотального бездушного администрирования. Эта гражданская тема так или иначе пронизывает все фильмы Герштейна.

И не случайно практически каждая его картина встречала враждебное отношение властей предрешающих. Идеологический отдел ЦК КП Киргизии бдительно и зорко следил за творческой деятельностью мастера. Не было ленты, которая бы не подвергалась критике в высочайших кабинетах. Случались и такие приговоры: «Ленту смывать», «Ленту сжечь!».

Ленту смывали. Не так уж трудно догадаться, почему вызывали неменклатурный гнев и неслыханно высокие поставленные аппаратурами жестко драматичные картины Герштейна. Но вот отчего они отвергаются и запрещаются, казалось бы, невинные, исполненные высокой поэзии фильмы, герои которых — люди из народа — произносят свои, вроде бы бесхитростные, незамысловатые монологи о жизни, о простых истинах. Ну что в этом пугающего? Горы. Задумчивая древность. Умудренность...

Потом понял. Номенклатура при всей духовной нищете, генетической тупости все же догадывается: прикосновение к подлинному, ясному, мудрому, высокому для нее чрезвычайно опасно.

Однажды в очень трудный для Герштейна момент, когда руководящие лица из верхов топтали очередную его фильм, и картину не смог спасти даже авторитет Чингиза Айтматова; писатель сказал, положив руку на плечо режиссера:

— Не впадай в отчаяние, Иза! Помни, твои фильмы и через годы будут идти на экранах. А от всех этих ублюдков останется лишь вонючая лужа.

Он прав оказался, Чингиз Айтматов. Фильмы Герштейна, даже десятилетней давности, идут нынче на экранах республики. Они оказались нужными зрителям разных поколений. Эти ленты оценены по достоинству на кинофестивалях за рубежом. Имя мастера кинодокументалистики с Тянь-Шаня стало популярным, он постоянно получает приглашения от различных киноорганизаций европейских стран. На международных фестивалях в Оберхаузене с успехом были проведены

ретроспективы фильмов Герштейна.

...А мне вспоминается год тысяча девятьсот пятидесятый. Паренек с кинокамерой, которого я встретил однажды на пастбище Сусамыр.

Кинохроникер, который в ту пору числился в штате киностудии ассистентом оператора, проявлял во время съемок виртуознейшее мастерство. Он снимал в движении, камера в его руках, как говорится, играла.

Позже, когда я посмотрел этот сюжет на экране, он поразила меня необычностью, и не только динамикой, но и пристальным, и добрым вниманием к героям репортажа.

Слова, сказанные Романом Карменом о киргизских кинодокументалистах, я в большой степени отношу к Изе Герштейну: «Они смело ломают установленные каноны, применяют современные приемы репортажа, свободную камеру, и это рождает в зрителе ощущение настоящей большой правды».

Кармен сказал эти слова в пору необыкновенного подъема киргизской кинодокументалистики. «Киргизским чудом», «Новой волной» называли этот прорыв, совершенный группой мастеров, работавших тогда на фрунзенской студии. Не буду перечислять их имен, об этом явлении и этих людях много писали наши киноведы. Хочу сказать лишь, что из всей «могучей кучки» талантливых документалистов, столь ярко заявивших о себе в шестидесятые годы, остался в Бишкеке единственный — Иза Абрамович Герштейн. Остальные — на других меридианах, а он упорно, кропотливо, отдаваясь главному делу жизни, создает свои ленты, столь нужные людям. И он прав, когда говорит:

— Наша работа все больше и больше роднится с трудом педагога, психолога, исследователя человеческих душ. Художнику-документалисту нужно всмотреться в человека. Всмотреться в человека — это прежде всего проявить элементарное уважение к нему — объекту съемки. А чтобы это произошло, нужно по-настоящему узнать своего героя. Надо не «изучать» его и не подсматривать за ним, а жить его жизнью, успев полюбить его, почувствовать своими его заботы и мысли...